

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЯ ПРОЛЕТАРИ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ! ПРОЛЕТАРИ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ! БУТУН ДУНЄ ПРОЛЕТАРЛАРИ, БИРЛАШИНГІЗИ
БАРЛЫК ЕЛДЕРДІҢ ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БІРІГІҢДЕРІ! ЗМІЇМОУСЬОМІ БУТУН ВЛКАЛЭРИН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЭШІНІ! VISU ŠALIŲ PROLETARŲ VIENYBĖS
ПРОЛЕТАРЬ ДИН ТОАТЕ ЦЭРИЛЭ, УНИЦЬ-БЭІ VISU ŽEMŲ PROLETARIŲ SAVIENIJETIESI! БАРДЫК ӨЛКӨЛӨРДҮН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРИККИЛӨ! ПРОЛЕТАРХОН ХАМАН МАМЛАКАТХО, БХ ШАБЕДІ
МҮҮЛӨСӨРҮҮР ӨАЛӨР ӨРҮРҮБҮР, ӨӨӨӨӨӨ! ӨХДИ ЮРТЛАРЫҢ ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЭШІНІ! KÕIGI MAADE PROLETAARLASED, ÕHINEGEI KANDEEN MAIDEN PROLETAARIT, LÕTTYKÄÄ VÕTSEENI!

ИЗВЕСТИЯ

СОВЕТОВ
ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ
С С С Р

Год издания 38-й

№ 166 (11545)

ЧЕТВЕРГ

15

И Ю Л Я

1954 г.

Цена 20 коп.

Правда жизни

Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Тургенев, Островский, Лев Толстой создали великую русскую классическую драматургию во всей силе ее художественной правды, во всей глубине ее творческой мысли. Несмотря на самобытность их художественных приемов, все они одушевлены единой творческой волей — сделать театр трибуной свободной мысли, призывающей к непрестанной борьбе за человечность, за социальную справедливость, за светлое и свободное будущее народа.

Русские драматурги-классики гордо и высоко несли знамя освобождения русского народа. Чехов-драматург с первых шагов стал под это славное знамя и преемник его, не колеблясь, до конца своей жизни.

Как драматург, Чехов был преемником и продолжателем дела Пушкина, Гоголя, Островского и Тургенева. Он начал с небольших комедий, которые называл «шутками в одном действии». Таковы его пьесы «Предложение», «Медведь», «Трагик по неволе», «Свадьба», «Юбилей». Со времени «Женитьбы» Гоголя и «Женитьбы Бальзаминова» Островского в русском театре не смеялись так весело и громко, как на спектаклях этих «шутков» Чехова.

В своих так называемых «шутках» Чехов был учеником Гоголя и Салтыкова, и когда в зрительном зале публика громко смеялась над нелепостью существования, над пустотой и пошлостью его Чубуковых и Ломовых («Предложение»), Нюниных («Свадьба») и Шипучиных («Юбилей»), Чехов мог бы остановить этот смех толпы гоголевским вопросом:

«Чему смеетесь? над собою смеетесь!..».

Только в советские годы был по-настоящему оценен Чехов в его маленьких комедиях, наносивших удар по душевной обывательщине и мещанской пошлости «жизня-бытья» реакционных 80-х годов.

В своей большой драме «Иванов» Чехов развернул жизнь такую, какова она есть на самом деле, — серой, душевной истинностью русской провинции в эпоху безвременья.

Для чего Чехов писал свою драму об одном из многих «ивановых», изнывающих в безделье и скуке, в то время как страна задыхается от бескультурья, темноты, нищеты? Буржуазные критики пытались говорить о «сочувствии» Чехова, якобы «певца хмурых людей», к праздной тоске Иванова. Чехов же категорически отрицал это мнимое «сочувствие» тоскующей праздности. «Я лелеял дерзкую мечту суммировать все то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях, и своим «Ивановым» положить предел этим писаньям».

Драма Чехова «Иванов» написана в обновленной, углубленной, но все-таки еще в старой форме открытого развертывания драматического действия, непосредственного обнаруживания человеческих страстей, с ярким показом бытовых картин провинциальной жизни. В своей комедии, — на самом деле драме, — «Чайка» Чехов уже отошел от привычных форм драмы и создает пьесу, в которой смелая новизна содержания органически соединяется с новизной формы. Эта пьеса полна пафоса борьбы за новый театр, за беспрепятственную правду в этом театре и в искусстве вообще.

Но понадобилось создание нового, составшего на рутину Художественного театра, театра демократического зрителя, для того, чтобы «Чайка» имела успех. Но Чехов в той же пьесе убежденно показывает, что не всякая новизна ведет к новому искусству, необходимому для отражения глубоких стремлений людей к обновлению жизни. Чехов — противник той условной, надуманной «новизны», которую пытаются ввести в искусство драматург Треплев и стоящие за ним кадры декадентов и символистов. Гибель Треплева неизбежна: у него и у его искусства нет корней в глубокой почве народной жизни. И, наоборот: молодая актриса Заречная, утверждает Чехов, искренняя в своих исканиях правды в искусстве и в жизни, отдавая всю себя живому и правдивому творчеству, найдет путь к большому искусству, нужному народу и несущему великие идеи освобождения.

Свою следующую пьесу «Дядя Ваня» Чехов снабдил скромным подзаголовком — «Сцены из деревенской жизни». Но при первом же знакомстве с «Дядей Ваней» А. М. Горький — писатель, в котором заключалось будущее русской литературы и театра, писал Чехову о трагической силе этих его «сцен»: «Смотрел «Дядю Ваню», смотрел и — плакал как баба... это совершенно новый вид драматического искусства...».

Из «деревенских сцен», из жизни небольшой семьи, где все заботы, труды нескольких прекрасных, чутких людей бесплодно расточались на служение «идолу» — бездарнейшему, мнимому ученому профессору Серебрякову, вырастал трагический образ великого народа, силы которого бесплодно растрчивались на поддержку таких «идолов», как самодержавие и буржуазия.

В противоположность бесплодной работе на «идолов», пожирающих народный труд, Астров, выражая мысль и мечту Чехова, говорит об обязанности и счастье самоотверженной работы для тех, «которые будут жить через сто—двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу».

В этом будущем, приближение которого к настоящему зависит от непрестанного труда во имя этого будущего, исполнится, будет осуществлено высшее чаяние Чехова:

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Вся пьеса одухотворена этой светлой мыслью о красоте человечности в человеке, о будущем торжестве этой красоты в человечестве.

В двух последних пьесах — «Три сестры» и «Вишневый сад» — с особой силой выражен порыв Чехова в будущее, несущее его родине и всему человечеству победу разума и света.

Пьеса «Три сестры» появилась на сцене в 1901 году, за четыре года до первой революции.

В противоположность «Иванову», «Чайке» и «Дяде Ване» это — городская пьеса. В русском городе в начале 20-го века уже развертывалась прямая борьба рабочих с самодержавием и буржуазией. Налетала очистительная гроза революции, и Чехов, которого из года в год обвиняли в пессимизме, первый открыто и радостно заявил со сцены об этой надвигающейся грозе.

Герои последней пьесы Чехова «Вишневый сад» — Аня и Петя уже прямые действительные борцы за это будущее.

«Человечество идет в высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле, и я в первых рядах!», — говорит Трофимов.

Тема будущего, все сильнее и сильнее звучащая у Чехова-драматурга в последних пьесах, здесь уже неразрывно связана с темой настоящего — с темой революционной действительности.

В советскую эпоху драматургия Чехова начала новую жизнь.

Классик русской литературы и драматургии Чехов продолжает быть нашим современником, соучастником построения новой жизни на началах разума и свободы.

Пьесы Чехова прочно вошли в репертуар сначала европейского, а потом и мирового театра.

Что дает Чехов простым демократическим зрителям в театрах всего мира?

Он дает им, говоря словами Пушкина, «чистейшей прелести чистейший образец» искусства, одухотвленного идеей жизненной правды и художественной простоты.

Драматургия Чехова была, является теперь и останется навсегда призывом к всечеловеческому братскому труду во имя высокой культуры, свободной мысли и независимого творчества.

В день пятидесятилетия со дня смерти Чехова миллионы читателей и зрителей из всех стран сольются в своей благодарности великому русскому писателю и драматургу, который верил в победу человека и призывал всех честных людей во всем мире к борьбе за право человека быть Человеком.

С. ДУРЫЛИН.